

Глава 24

Сбор информации требовал времени. Когда на душе беспокойно, и сон не идёт. Гу Тин проснулся среди ночи. За окном висел тонкий серп луны.

Раз уж не спится, он решил выйти в галерею полюбоваться луной.

Ночи в Цзююане были холодными, особенно под утро. Даже Гу Тину, привыкшему к северному климату, было зябко. Холод пронизывал до костей, словно острый нож. Северный ветер, бушевавший весь день, стих. Воцарилась тишина. Небо было высоким, звёзды — яркими, луна — белой. Казалось, весь мир открыт перед тобой.

Эта ночь была холодной, но по-своему прекрасной.

Выйдя в галерею, он заметил под сливовым деревом во дворе тёмную фигуру. Приглядевшись, он узнал Мэн Чжэня.

В тени ветвей, сгорбившись, сидел пухлощёкий мальчик. Он обхватил колени и держал в руке веточку сливы. Его фигура казалась одинокой и несчастной. Кажется... он плакал? Плакал тихо, чтобы никто не услышал, прячась в ночной темноте. В такой холод, не боялся ли он заболеть?

А ведь днём, уплетая его стряпню, он казался таким бойким.

Гу Тин вспомнил события прошедшего дня. Мальчик выглядел маленьким и робким, но, разозлившись, становился свирепым. Стоило задеть его «брата», как он тут же бросался в бой, готовый гнаться за обидчиком через две улицы. Но сегодня днём его эмоции, казалось, били через край. Он набросился не только на Гу Цинчана, но и на Сюй Инлань. А после, когда всё закончилось, он испугался, вцепился в его одежду и не отпускал, выглядя самым несчастным на свете, будто это его сегодня обидели.

Гу Тин, стараясь не шуметь, вернулся в небольшую чайную комнату, раздул угли в печи, вскипятил воду и заварил чай.

Когда он вернулся в галерею, Мэн Чжэнь уже стоял, слёз больше не было.

— Выпей, — он протянул ему чашку.

Мэн Чжэнь вздрогнул от неожиданности и торопливо вытер лицо рукавом, хотя слёз на нём уже не было. Он растерянно взял чашку обеими руками. Ночь была слишком холодной, и свежезаваренный чай уже остыл до приятной температуры, согревая руки. Пара глотков — и тепло разлилось по телу, успокаивая душу.

Гу Тин заметил, как от пара глаза мальчика стали ещё более влажными и несчастными.

— ...Что всё-таки случилось?

Мэн Чжэнь вздрогнул так, что едва не выронил чашку, и натянул на лицо глупую улыбку.

— Ни-ничего.

— Не хочешь улыбаться — не улыбайся.

Мэн Чжэнь надул губы.

— Пей чай.

— Угу.

Мэн Чжэнь, держа чашку пухлыми ручками, маленькими глотками, словно хомячок, выпил весь чай. Он был таким послушным и мягким, что в лунном свете его хотелось потрепать по голове.

Гу Тин мысленно вздохнул.

— Твой брат до сих пор не приехал за тобой. Он, наверное, не знает, где ты?

Маленький хомячок сжался.

— Ты... откуда ты знаешь?

Гу Тин, сохраняя серьёзное выражение лица, спросил:

— Ты сбежал из дома?

Хомячок тут же сник, втянул голову в плечи и промолчал.

Гу Тин забрал у него пустую чашку.

— Если твой брат хорошо к тебе относится, не заставляй его волноваться.

Чашка покинула его руки. Мэн Чжэнь, сцепив пальцы, жалобно посмотрел на Гу Тина, выглядя

ещё более несчастным.

— Пойдём, заходи в дом.

Гу Тин отвёл его в чайную комнату. Угли в печи разгорелись, и в маленькой комнатке стало тепло. Окно было открыто, и в него заглядывал тонкий серп луны.

Чем больше он думал, тем больше убеждался, что сегодня днём Мэн Чжэнь был слишком уж эмоционален, словно переживал всё на собственном опыте... Взгляд Гу Тина внезапно замер.

— Твой брат... собирается жениться?

Может, и у него появилась своя Сюй Инлань?

Он старался спросить как можно деликатнее, но Мэн Чжэнь не выдержал. Он вдруг сел на пол и зарыдал в голос.

Гу Тин промолчал.

Значит, из-за этого они поссорились, и он сбежал из дома?

Гу Тин похлопал его по спине и протянул платок.

— Как бы то ни было, сбежать из дома — это неправильно.

— У-у-у, я не сбежал! Брат поссорился со мной и... и не поверил мне! Я тогда разозлился и хотел сбежать, чтобы напугать его, но я не сбежал, правда, не сбежал! — Мэн Чжэнь вцепился в одежду Гу Тина, его глаза были полны слёз. — Я отошёл совсем чуть-чуть и уже собирался вернуться! Я обычно гуляю гораздо дальше! Но в этот раз... меня схватили... Один из моих охранников оказался предателем, он помогал им убить меня! Я еле-еле сбежал, а потом... уже не мог вернуться.

Теперь Гу Тину всё стало ясно.

Он не связывался с братом, во-первых, потому что боялся — мысль о побеге всё-таки была, и ему было немного совестно. Во-вторых, потому что не мог. Предательство телохранителя — это серьёзно. Тот знал все их тайные способы связи. Если бы Мэн Чжэнь подал сигнал, кто бы пришёл первым — брат или враги?

Гу Тин потрепал своего маленького друга по голове.

— А ты хочешь увидеть своего брата?

Мэн Чжэнь кивнул, его щёки слегка покраснели.

— ...Хочу.

— Тогда я тебе помогу, хорошо?

Мэн Чжэнь с надеждой посмотрел на него.

Гу Тин вздохнул.

— Я приведу твоего брата сюда, тайно, чтобы никто не узнал. Ты будешь в безопасности, и он не будет сердиться.

Глаза Мэн Чжэня тут же заблестели.

— Правда?

Он смотрел на него снизу вверх, и его большие глаза, полные надежды, были такими мягкими и милыми, словно в них отражалось всё самое прекрасное в мире.

Гу Тин, кажется, понял, почему брат так его любит. Этот ребёнок был слишком искренним, слишком чистым. Его взгляд был ясным, а мысли — прозрачными, не замутнёнными никакой грязью. Его улыбка была как солнце — тёплая и исцеляющая.

Чем чище и невиннее что-то, тем больше такой человек, как он, полный сомнений и тревог, хочет это сберечь.

Пусть Мэн Чжэнь остаётся таким же послушным и немного глуповатым. Так будет лучше.

Видя, что Гу Тин долго молчит, Мэн Чжэнь моргнул и тихо спросил:

— Ты попросишь помощи у князя-защитника Севера?

Гу Тин промолчал.

Он забирал все свои слова обратно. Этот ребёнок совсем не милый и совершенно не умеет читать по лицам!

— Я...

Не успел он и слова сказать, как Мэн Чжэнь, надув щёки, возмущённо выпалил:

— Когда вы с ним успели сойтись, и даже мне не сказали?! Я за тебя ругался, У Фэна за собой тащил для поддержки, а ты мне даже такой мелочи не рассказал! Я бы никому не сказал!

В искусстве взаимных уколов Гу Тин не был новичком. Он с невозмутимым видом протянул Мэн Чжэню ещё одну чашку горячего чая.

— Это всяко лучше, чем в мороз на улице тайком плакать. Что такого, о чём нельзя рассказать? Зачем держать всё в себе и страдать? А если заболеешь? Думаешь, так ты никого не обременяешь?

Мэн Чжэнь сник, его боевой дух тут же иссяк. Он лишь нерешительно бросил на Гу Тина гневный взгляд.

— Я... я не заболею!

Гу Тин искоса посмотрел на него.

— О, неужели?

Скажи это той крови, которой ты сегодня утром кашлял!

Они смотрели друг на друга, никто не хотел уступать. Наконец, Мэн Чжэнь взял из печи горячий арахис, аккуратно очистил его и протянул Гу Тину.

Гу Тин вздохнул.

«Ладно. Что с ребёнка взять?»

Он медленно жевал арахис и спросил:

— Какой он, твой брат?

Глаза Мэн Чжэня тут же заблестели, и, словно по волшебству, тучи рассеялись, расцвели цветы, и весь мир преобразился.

— Моего брата зовут Мэн Цэ, и он самый-самый-самый лучший человек на свете!

Гу Тин промолчал.

В глазах Мэн Чжэня не было никого лучше его брата. Он был умён и силён, с широкими плечами и длинными ногами, а руки у него были особенно сильными. И к тому же он был невероятно красив. Но самое главное — он очень, очень хорошо к нему относился, как никто другой в мире, и только к нему одному!

Всё самое лучшее — ему. Он был слаб здоровьем и часто был обузой, но брат никогда его не упрекал. Он был не слишком умён и плохо учился, но брат никогда его не ругал, лишь мягко наставлял. В общем, всё, что он хотел, он получал, а всё, чего не хотел, никогда до него не доходило.

Мэн Чжэнь без умолку расхваливал своего брата, находя всё новые и новые эпитеты. Гу Тин едва сдержался, чтобы не прервать его. Наконец, мальчик выдохся, сделал глоток воды и с обидой в голосе закончил:

— ...Брату рано или поздно придётся жениться. Я совсем не против. Я даже нашёл ему невесту, она такая хорошая, добрая, заботливая, красивая, все говорят, что она — лучшая. Но брат не хочет. Его обманула какая-то девица из простой семьи...

— Дело не в том, что она из простой семьи. Если она хороший человек и нравится брату, я, конечно, не буду против. Но с ней что-то не так. У неё нечистый взгляд, как у той Сюй Инлань сегодня на улице. Она очень хорошо притворяется, специально подстрекает меня, чтобы мы с братом ссорились. Мой брат такой замечательный, как он мог поддаться на уловки такой женщины? Я не согласен. Я уговаривал его и так, и этак, и по-хорошему, и со скандалом, но он не слушает...

Говоря это, он снова расстроился, и из его глаз покатались слёзы.

— Я никогда не могу переспорить брата. С самого детства, если он что-то решил, то никогда не меняет своего решения. Мне немного страшно...

— Я не хочу, чтобы наш дом разрушила плохая женщина. Я видел, как такое случалось с другими семьями... Когда появится невестка, братья становятся чужими людьми, нужно будет соблюдать дистанцию. Я всё понимаю. Если бы она искренне любила брата, я бы на всё согласился. Но если ей нужен не он сам, если она намеренно сеет раздор... я больше никогда не смогу быть так близок с братом.

— Мне не нужно богатство, я просто хочу, чтобы у моего брата всё было хорошо.

Взгляд Мэн Чжэня, полный обожания и радости, постепенно становился сложным и в конце концов угас.

Гу Тин не был знаком с Мэн Цэ и не мог ничего сказать. Подумав, он спросил:

— У тебя есть какая-нибудь вещь, знакомая твоему брату, но неизвестная другим? Может, у вас есть какие-то секреты, о которых знаете только вы вдвоём?

Мэн Чжэнь склонил голову набок.

— Секреты... которых не знают другие?

— Совместные приключения, путешествия, разговоры шёпотом перед сном. Всё, что другие не видели и не слышали.

— А, такое есть! — Мэн Чжэнь наклонился к уху Гу Тина и что-то прошептал. — ...Это поможет?

Гу Тин улыбнулся.

— Конечно.

На самом деле, у него уже был план.

Мэн Чжэнь посмотрел на него с сомнением.

— Ты попросишь помощи у князя-защитника Севера?

Гу Тин промолчал.

— Почему я обязательно должен просить его о помощи?

— Я не хочу сеять между вами раздор, вы очень хорошо смотрите вместе, правда! И князь-защитник Севера очень тебя любит, это так здорово, — торопливо объяснил Мэн Чжэнь. — Просто мой брат и князь, кажется, не очень ладят. Если князь вмешается, брат может не прийти...

Гу Тин ущипнул Мэн Чжэня за щеку.

— Просто жди!

Отправив ребёнка спать, Гу Тин задумался. После вчерашнего его репутация «любимца», кажется, укрепилась. Но его первоначальный план... был совсем другим.

С наступлением утра времени на раздумья не осталось. Гу Тин начал действовать. Он снова тратил деньги, нанимал певцов и актёров, чтобы как можно скорее распространить нужные истории и привлечь внимание Мэн Цэ.

Вероятность того, что это простое совпадение имён, была мала. Этот слабый на вид мальчик, скорее всего, был не так прост, а его брат, Мэн Цэ, — это, вероятно, князь Гуцзана, Мэн Цэ! Как говорится, два тигра в одной берлоге не уживутся. Когда Мэн Цэ приедет на территорию Хо Яня, главное, чтобы между ними не возникло конфликта...

Тем временем Цзян Муюнь тоже готовился.

— Нужно ли нам похитить Мэн Чжэня? — спросил его подчинённый.

— Не нужно, — Цзян Муюнь покачал головой, опустив ресницы. — Просто сообщите Мэн Цэ, что я знаю, где его брат.

— Гу Цинчан, кажется, постоянно следит за Гу Тингом. Вмешиваться?

— Пока он не трогает Мэн Чжэня, пусть делает, что хочет.

Гу Тину было не до Цзян Муюня. Пока в городе разыгрывались представления, понемногу начала поступать информация о Сюй Инлань.

И что-то в ней его насторожило.

Судя по её характеру, она не должна была вести себя так импульсивно, как в тот день. Люди не срываются без причины. Так что же произошло? Что так вывело Сюй Инлань из себя? Или... кто-то её на это подбил?

После инцидента в Павильоне Алой Ткани некоторые люди... так и не были найдены.

<http://bllate.org/book/15878/1586001>